

Талант рождается один. Растет один. Творит один. И часто - воюет за призвание один. Но талант не одинокое существо. Талант - вещий инструмент в руках народа, которым он, народ, измеряет жизнь, себя и время. Все на родной земле - для таланта: прошлое, настоящее, будущее. Все для таланта: совесть, честь, правда:

Думы мои, думы! Боль в висках и в темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.

И:

За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.

Слово Сергея Есенина - нравственный закон. Есенин в слове, как звезда в небе, звезда, рожденная атмосферой дали, высоты и глубины. Сергей Есенин, щемяще родной и справедливый, не мог быть холодным созерцателем. Не мог Сергей Есенин быть кривлякой-модником, не мог он быть и циником-ветрогоном.

Легко не ссориться. Легко не защищать. Легко иметь покладистое поведение, веселое брюхо и оптимистический облик. Легко, но легко для неталантливового. Сытость и Есенин - вечные враги. Краснобайство и Есенин - вечные недруги. Нам просто принять:

Ветры, ветры, о снежные ветры, Заметите мою прошлую жизнь. Я хочу быть отроком светлым Иль цветком с луговой межи.

Сергей Есенин, что тебя, родной, так гнетет, так мучит?.. Тайна жизни, горе и радость, загадка смерти, любовь и ненависть: их никуда не денет поэт и сам от них никуда не спрячется.

И небольшие поля, на которых шумят березы, и холмы, уходящие в глубь вековую, и река, повитая синью, и облака, плывущие над землею, - все это близкое, свое, вечное.

Имя этому - Родина, Отечество, Россия...

Лебединым криком и туманами отплакалась древняя Рязань, крестами и пожарами означились ее веси. На каждую травину - по ордынскому копыту, на каждый дом - по черному пепелищу. Но - выдюжила, выросла, ратная и былинная, дала миру славу, поставила ему богатыря Коловрата.

Не соловьиный перелив, не голос черемухи, а чистый, пронзительный, обжигающий зов человека услышали мы:

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.

И:

Тоскуют брошенные пашни,
И вянет, вянет лебеда.

Рязань!.. Мальчик, юноша, молодой поэт, он встречает октябрьскую встряску восторженно, как встречают долгожданную грозу, смахивающую с земли ржавую накипь:

Дай с нашей овсяной волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

Поэт и слово - все равно что роща и птицы. Глуха роща без птиц, неинтересна. Поэт без слова - улей без пчел. А слово - история. Слово - философия, натура народа. Нет плохих народов. Нет народов неискренних, неталантливых. Сергей Есенин искренен искренностью своего народа, талантлив его талантливостью.

Любовь народа к поэту Сергею Есенину есть истина, а не любопытство к его быту и биографии. Никому не нужен поэт-сирота, никому не нужен поэт-бродяга. И ни один народ не нужен поэту-сироте, поэту-бродяге. И ни одна чужая речь не пленит поэта, если он изменил своей. Слова-изменники - не слова. Поэты-изменники - не поэты.

Гори, звезда моя, не падай.
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой

Живое сердце не стучит.

Недаром - из пепла и крови, из огня и дыма революции, как багряный клоч, как огненная рябина, вспыхнула, поднялась и затрепетала на ветру звонкая есенинская лира. Через свист мокрогубых шарманщиков, через пьяные нэпманские застолья, через гарцевитые фуражки и папахи, через личные смятения и драмы, травли и утраты - встает поэт, говорит поэт:

На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы сушили день.

Невозможно ныне ни одному литератору миновать крутые тропы гения. Невозможно. Расстояние между юностью и зрелостью, молодостью и мудростью, добром и злом - каменные скалы. По этим скалам, кровавая пальцы, пробирался поэт, неся к пушкинским вершинам любовь и нежность. Он, Сергей Есенин, познал движение страсти и слова, испытал согласие духа и воли. Такие люди не часто приходят на землю, но остаются на ней навечно...

Впечатление - будто эти липкины, эти блюмкины, эти роги, эти левиты, эти бухарины, эти троцкие с двадцатых и тридцатых годов дремали, как замеченные снегом змеи, а теперь вот выползли и зашипели. Сосновский выполз...

Даже миротворец Юрий Нагибин не удержался: в журнале "Столица" пишет, хамя, хихикая, жалея, торжествуя: "Когда Исайка напялил парик, облачился в русскую одежду, натянул сапожки и ударил во струну во серебряную, Залман побледнел.

- Ты настоящий гой! Даже в лопатках холодно. Как перед погромом. - Исайка посмотрел на свое отражение в непросыхающей луже у порога шинка.

- Вылитый Сергей Есенин, когда его представляли русскому царю.

- Это что еще такое? - не понял Залман. - Тоже воспоминание о будущем.

На предмет гигиены и для усвоения русских обычаев Исайка сходил в парную, где неумело, но старательно исхлестался веником и вышел оттуда розовый и помолодевший на десять лет.

Он оделся во все чистое, расчесал парик волосок к волоску, подпоясался шнурком с кистью и привесил к нему деревянный гребень, без которого ни один русский не выйдет из дома, закинул за спину суму переметную с куском храмцлаха, фаршированной щукой, шкварками, зеленым лучком и солью в тряпице, попрощался с дядей и тронулся в путь бодрым шагом блудного сына, чующего близость родного порога, подыгрывая себе на гусях и напевая: "Вдоль да по речке, речке по Казанке сизый селезень плывет".

Так беззубо-уродливый Исайка, начиненный еврейскими кушаньями, без коих Юрий Нагибин не Юрий Нагибин, сходит "на сцене" за русского гоя и даже за русского классика - поэта Сергея Есенина... Сейчас "мода" у сионистствующих ортодоксов рисовать неполноценных евреев и выдавать их за русских подвижников. Зачем бросать соплеменников на посмешище? Зачем оскорблять русских? Юмор? Ирония? Склочничество? Дряхлеющее паскудство.

***

А зависть какова? Сергею Есенину Богом дан не только великий талант, но и удивительный образ - нежный, красивый, вдохновенный, потому порхатая ненависть Нагибина к русскому облику вызывает не менее кондовую ненависть в иных читателях к Нагибину...

Владимир Дронов пишет из Химок: "Нагибин - бывший сталинский хорист. Но тогда, в "Трубке", он выглядел, на обложке рассказа, ничего, чуть даже смазливо, как все они по юности. А теперь печется - о пожрать и о пожрать. Типичный... Да и моська изменилась: зло полезло наружу. Без галстука - похож на старшего официанта в "Украине" или на потомственного колбасника, лавочника!" Зло - на зло. И к чему бы Нагибину тешиться ненавистью к русским? Родился, вырос под сенью русского языка, русской культуры, русского дружелюбия, а ненавидит. К старости "прошибла крышку" и зашипела кастрюля зависти? Я не считаю Нагибина смахивающим на колбасника-лавочника, нет, мне кажется, он смахивает на известного диссидента - Владимира Войновича. Похож гнойной ненавистью к русским: "Лапа, как известно, продукт диетический. Ни диабета, ни холестерина, ни солей, ни жировых отложений. При таком питании и мозг отлично

работает, все время одну и ту же мысль вырабатывает: где бы чего поесть". И у Войновича - насчет пожрать...

И "перлы" эти в том же номере "Столицы", где восторгается Исайкой Нагибин. В том же номере журнала "отмывают", спешат спецы, затирая "постраничную истину" Марины Влади, тиражируют наркоманию Высоцкого: "Так умирал Высоцкий" - беседа с друзьями, с врачами...

Но, например, сын Марины Влади знал о пристрастии к "анашам" популярных бардов. Видел по их "вздрыченным" исполнениям, по голосу и жестам. Да и "намекать" к чему бы? Наркомания поразила миллионы людей, а не одних бардов на земле. К чему бы "героизировать" актера? Высоцкий без "анаши" - Высоцкий.

Меня потрясло и другое откровение: уши, торчащие из многосланных рассказов о "бессребренике и бессребрениках, чихающих на богатство", но околачивающихся по долларовым пристанищам, "плюющих на славу", но добивающихся, даже для мертвых, "престижных" кладбищ: не дали Новодевичье, хотя вымогали через Брежнева и его Галину, вышли на Яноша Кадара, венгерское Мао, а не получилось. Кого-то не было дома, кто-то гостил где-то. Ваганьковское...

И вот - быстро сооружен душераздирающий памятник: Икар или узник? Крылья или верви? И - у ворот. Перед шагом, перед первым шагом за воротами - могила. Так натужно и назойливо похоронили чемпионку И. Воронину. Спорт.

Но Высоцкому ли это нужно? Это нужно - закадычникам, охмурялам и торгашам. Когда узаконивают "наверху" преступность, разрешают ей легализоваться в обществе, иметь вид на "грядущую порядочность". Так узаконивают эти же "сценические силы", эти же мафии - бездарную злобу, спекуляцию на темных страстях, узаконивают не искусство, а похоть под эрзацем искусства, развязный обман. А Высоцкий не обманывал...

Юрий Нагибин "похлопал", юбилейно выступая, по плечу Бунина, но не подрос, не сделался выше от лилипутского похлопывания, да и его читатель, из Химок, не переменил о нем своего мнения, грубиян.

Юрий Нагибин - симпатичный, скромный, русский, вернее, был русским, когда ему было выгодно, и сейчас он еще маленько русский: "похлопал" же он по плечу Бунина? Отважный, темпераментный балагур. Исайку тренирует, беззубого и дебильного, тренирует выскакивать, гримироваться под Есенина, ну и дает!

Надо беречь уважение к любому народу. А если я соглашусь, что Юрий Нагибин - "официант, колбасник и лавочник"? А Михаил Светлев похож на Бабу Ягу? Нельзя чудить. Мало ли исаек в литературе, науке, культуре? Куда их гонит Нагибин еще?..

Солдаты, штурмом бравшие Перекоп, за Исайку, Троцко-го, не виноваты. Молодежь, разбившая палатки у Магнит-горы, за Исайку не виновата.

Я видел фотографию - насилие над Зоей Космодемьянской. Видел фотографию - убиение. Кто не содрогнется? Кто омрачит ее свет насмешкой? Зою Космодемьянскую, когда мы поумнеем, церковь канонизирует. И - не ошибется! Без грима...

А куда девать девушек и парней, ехавших на стройку, шедших в мартены, в шахты, в северные края - оживать? Куда, спрашиваю, их девать? В чем они виноваты?

В том, что отштампованный, бездарный правитель обещал им нормальную жизнь, но растоптал их надежды своими премиями, своими званиями, своими бессмысленными орденами, своими грабительскими программами, растоптал их уважение к себе, к делу? Они за "верховного" Исайку не виноваты.

Да, Сергей Есенин поверил в революцию, но кровь, закипевшая на русских просторах, ошеломила поэта. А нам сейчас, нам в кого верить? В свежего кормчего? В съезд депутатов? В законы, роящиеся густо, густо, как мелкие кустарниковые комары на закате июльского солнца? Зудят и роятся, зудят и роятся. В Ельцина верить?..

Во что же верить? Но верить-то необходимо. Во что? Одна у меня теперь вера -

мать-Россия! И я не стыжусь этой веры.

Как не стыжусь и той, уничтоженной с трибун упитанными марксистами-ленинцами и прорабами-демократами, свежими слугами, отдающими жизнь, как те, прежние, капля по капле, народу, всю, без остатка, - на роскошных дачах, в пузатых бронированных автомобилях, в кабинетах, преемственно икающих икрою. Не стыжусь. Вера - не долг, а соизмерение будущего с настоящим.

Пророчество поэта - угадывающий взгляд на свою судьбу, на судьбу своего поколения, на судьбу своего народа из тех буревых дней. Надо обладать гигантской концентрацией света - способностью обобщений на катастрофическом переломе, способностью из кипящего колдовства событий выхватить на мгновение то, что еще лишь "брезжит", далеко, что еще лишь процеживается твоим ощущением:

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.

"Я последний поэт деревни...", "Каждый сноп лежит, как желтый труп", "Словно хочет кого придушить руками крестов погост", "Здравствуй ты, моя черная гибель, Я навстречу к тебе выхожу!", "Как и ты-я, отвсюду гонимый, Среди железных врагов прохожу", "Как и ты-я всегда наготове, И хоть слышу победный рожок. Но отпробует вражеской крови Мой последний, смертный прыжок", "Я такой же, как вы, пропащий, Мне теперь не уйти назад", "Что-то всеми навек утрачено"... И - драматичнее, драматичнее, фактовее, фактовее:

Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поет и про Чека.

"Ты Рассея моя... Рас... сея... Азиатская сторона!" А "Рас...-сея..." - Рассея, имя девушки, женщины, бабушки рассеянной, так в деревнях называют неумех, забывчивых, доверчивых и надеющихся на чужую доброту, а вдруг - обман, вдруг - трагедия. И - Рось. И - Рассея, Россия наша, Русь.

"Были годы тяжелых бедствий, Годы буйных безумных сил", "Как в смирительную рубашку, Мы природу берем в бетон", "Прощай, Баку! Тебя я не увижу", "Не вернусь я в отчий дом", "Плачет и смеется песня лиховая. Где ты, моя липа? Липа вековая?", "В своей стране я словно иностранец"...

***

Пил Есенин? Пил. Запоем слезы русские пил. Пил запоем русскую нищету. И "погиб" не от водки, а от русской крови, пущенной из сердца русского народа троцкистами и ленинцами: что те, зачинатели, что эти, их ниспровергатели, одинаковые: жестокие, бездарные и чужие...

Есенин же, уверяю, пил гораздо реже и меньше тех и этих, кто выслеживал его, брал на карандаш, подсчитывал рюмки поэта... Где они, счетчики его жизни, его поступков и тостов? Пыль. Смахнуло их время, и если бы они не таскались по закоулкам, не прятались за спиною поэта, не высовывались бы между поколениями, сексотя нам на Есенина, их никто бы никогда не заметил, не вспомнил о них.

Уверяю: Есенин пил русское горе, все восемь собственных томов он выпил, едва дожив до своего тридцатилетия!.. Почитаешь воспоминания о нем, даже тех, кто любил и понимал его, и видишь: каждый из них пишет свое "родноразовое" впечатление. А в году-то более трехсот дней, да и сознательное профессиональное движение поэта к мастерству и славе не год, а годы и годы. В них, в годах и годах, труд Есенина и труд.

Сегодня, когда кремлевские преступники тайно от нас продали в Беринговом море нефтеносные русские острова, рассекли наш народ, миллионы и миллионы русских лишили семейного и отеческого очага, как не повернуться к Есенину, "нащупавшему" грядущую банду правителей, "прорабов и агентов влияния" - от Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе, Ельцина и до Коротича, Евтушенко, Бурлацкого?

Сегодня Ленин, "подаривший" Финляндию и Польшу, Сегодня Хрущев, "подаривший" Порт-Артур и Крым, - робкие предтечи развала, а рыцари разгрома великой державы они: Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин, Кравчук, Шушкевич и т. д. Сегодня беспощадный Сталин - собиратель земель славянских, Мономах, объединитель...

Поэт - боль и предчувствия, предчувствия неотвратимой беды. Не ее ли мы пытаемся превозмочь и сегодня? "Дайте Родину мою!", "Откуда закатился он, Тебя встревоживший мятежник?", "Россия, сердцу милый край! Душа сжимается от боли. Уж сколько лет не слышит поле Петушьё пенье, песий лай", "А ночью выплывет луна. Ее не

слопали собаки: Она была лишь не видна Из-за людской кровавой драки", "Я помню только то. Что мужики роптали, Бранились в черта, в Бога и в царя".

Сергей Есенин - в нас, в наших страданиях, как нам спасти пашню, крестьянство, русский дом? Поэт искал "корабль" судьбы России в стихах времени, "где каждой щепке, Словно кораблю" - простор. Но простор - буревой, простор - шторм и кровь. Шторм, срывающий национальные, хозяйственно-порядковые, духовно-нравственные якоря. Есенинский простор - пахать, сеять и жать.

Впереди - чудовищные пожары, столпотворения в голодных городах и селах, истребления русских доносами, расправами, сталкивание их с "утопанных площадок", пускание их по ветру. И сам поэт - "на мушке"... Охуливание Сергея Есенина - охуливание нас. Клевета на Сергея Есенина - клевета на нас. Ненависть к Сергею Есенину - ненависть к нам. Борьба за Сергея Есенина - борьба за русских, за русскую жизнь, за "корабль" судьбы России:

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб И что тебя хоронят.

Похоронщики Сергея Есенина - похоронщики русских. Они и "бригадиры" их - сытые и жестокие христопродавцы, лакеи подачек, исайки, мелкие, неуловимые и прожорливые.

Сидит Есенин на пляже в Америке. Дункан - с ним. Пожухлая, но активно сопротивляющаяся линияю Айседора. Встрепенется - юная. Земля и небо поладили - родили ее под мерцание зари, и первый вздох ветра закружил ее и понес в танце: выросла в музыке и движениях.

А Сергею Есенину тошно. Холеные курортники. Холеные виллы. Холеные кушанья. Песок - холеный. И ветер - холеный. Даже заря - холеная. Понурился. И золотые кудри рассыпались. Куда заехал? Кому нужен? О ком затосковал?

Америка посылает в Россию куртки, штаны, шапки... Россию - раскогтили: не пашет, не сеет, не жнет. Врагов народа сыщики обнаруживают на безбрежных просторах. Врагов - уйма, веси - непромеряемые ни колесом, ни прибором... Угля, железа, алмазов - гребни экскаваторами.

А время бежит. Спицы мелькают. Телега погромыхивает. Паровоз дымом разбрасывается по рязанским луговинам и взгоркам. Бежит время. День - в день. Ночь - в ночь. Тошно.

И слышит Есенин - не песок шуршит, не вода шумит, не Америка блаженствует, а Россия кричит: огненные пули свистят и листву на березах прошивают, а русская кровь у порога отцовского дома красным озером плещет. Домой - дрогнуло сердце. Домой - скорее.

Ну и вернулся бы домой. Да... По вечерам - совы молчат. Мыши замирают. Зарево полыхает над Окою, и ни песен, ни молитв. Церкви - взорваны. А по хуторам -obeliski. Дешевые, заржавленные. Вместо детей -obeliski. Вместо стариков -obeliski. Мы уничтожены. На пирамидках - имена, фамилии, а люди-то где? Люди - в братских курганах... Вернулся Сергей Есенин - погибших считать, а их мать давно сосчитала и оплакала. И - вьюга белая ей помогла: воет и снегом заметает - глухо.

Песок золотой. Жаркий. Виллы золотые. Браслеты и серьги из чистого золота. Золотая и бриллиантовая Америка нищим подает консервы и порошки... А за древним Константиново - звон топор? на белой вьюге скачет: мать поэта в лес за дровами пробилась, холодно.

Стук. Стук. Стук. Взмахивает топором бабушка Татьяна. Взмахивает. Взмах - год. Взмах - год. Бежит время. А над могилкой Сергея Есенина, сына ее голубоглазого, белая вьюга метет или Айседора в белом платье танцует?

А топор стучит. А в доме нетопленном - ледок в ведрах плавает. Лесник вдет. Грузный. Грозный. Чужой... - Кто там?... -Я...

- А, ты, ты, поэта кулацкая мать? Запрещаю!.. Зимой - дров не руби. Летом - траву не коси. И это мы - русские. Мы - богоизбранные. Мы - разинцы, суворовцы, мы, а не евреи, мы, а не сионисты, мы, позволившие помыкать нами, растаптывать нас каждому чиновническому каблуку!

А весной по рязанской земле - белые яблони качаются. И так они цветут, так они задыхаются и шелестят, веют порошей белою - Есенин с головою тонет, а мать и совсем не видать, и даже топора ее не слышно. Вьюга, белая вьюга, куда он заехал, куда ты летишь?..

Бунину легче обижаться на Есенина, легче журить его за уступчивые кивки советской власти. Бунин - господин. Бунина поймали в Крыму революционные ретивцы, интернациональные сыщики - давай понужать, подталкивать на расстрел, едва спасся.

А Есенину кого журить? Утенок - выныривает так из лопухов речных. Жаворонок кувыркается - в синеве так. Лилия - из воды так выходит. Есенин! Есть на русской земле из-за чего схватиться и повраждовать с баскаками: безвинных казнят - молчи. Безвинные - срывай обиду на себе и на близком...

Советская власть-то не ночевала в России. Ее плакатами и транспарантами пересортили, а нам ими разум и очи заклеили. Советская власть - войны, войны, войны, советская власть - тюрьмы, тюрьмы, советская власть - расстрелы, расстрелы, ну где же советская власть?

Есенину хотелось видеть князя-объединителя, хозяина видеть хотелось, заступника России искал поэт в революции и вождя, а нашел?.. Нам ли "поправлять" и "наставлять" Есенина?

Бунин - истаивал, мучимый верностью к России, к народу ее, а Есенин - не выплыл, не вышагнул, не поднялся из слез, из крови: белая вьюга помешала ему, белые яблони ладошки свели над ним.

Ныне невесты и жены будущих детей пугаются, нищета захлебывает Россию, а правящие бандиты путешествуют, раздавая русские края. Внутри России и вокруг России народ расколот, оттащили область от области, предали и разбазарили. Есенин увидел это вчера. А мы - сегодня...

Каяться пора? Прощать пора? Молиться пора? Но разве Бог вызволит нас из ямы, откуда и мамонту, загнанному, не выскочить? Страшные - русские могилы. И в Москве - страшные. И в деревне - страшные. Разве мы уже умерли? Сын - отцова креста не находит, а внук - дедова не находит.

Нить порвана - нить продолжения рода. Монголы добрее были: рубили и сжигали дотла. А эти - память вышибли, душу выстудили и себя не удержали: рухнули со Спасской башни.

Беда. Стая ворон каркает. Старые могилы в туманах растворяются, а новые - вороны острым клювом перечеркивают. Родина запустынивается. Избы бельмастят. Есть ли еще где страна, на нашу Россию похожая?

***

Давеча прогрессивный марксист, а сию секунду банальный перевертыш А. Н. Яковлев мелкими, мелкими глазками завращал, завращал на экране и, академик, настоящий ленинец позавчерашний член Политбюро, закукожился: "Пугачевщина, разинщина, пролетарщина!" Утонченный европеец, инструктор Ярославского обкома, если читать его, антикоммуниста, биографию... Попосольствовал в Канаде - выгулился в персону важную. Из грязи да в князи.

Но великий Есенин не отвергал ни Разина, ни Пугачева, не отвергал их и Пушкин... А у Сергея Есенина тема русской вольницы, тема бунта, тема революции - борьбы за справедливость завершилась драматической поэмой "Пугачев". Завершилась Уралом. Урал, срединный утес Земли, волновал и раннего Есенина:

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота

И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.

Москва, Рязань, Поволжье, Урал, Сибирь, Персия, Украина, Грузия - манили поэта. Синева просторов России и золотистость просторов Азии звали Сергея Есенина к раздумью, а древний Урал покачивал каменные крылья: одно - над Европой, другое - над Азией. В русском человеке укоренилось ощущение евразийца. А русская поэзия между двух великих материков красным солнышком восходит.

Есенин не виноват в том, что идеалы и цели исковеркали и распродали, силуэт революции окровавили и колымскими барачными лучинами вытемнили. А пакостить чиновничьими жидкими цэкашными опусами русское непокорство - трусливая смелость голя... Яковлев забыл "государя" Пугачева, созданного Пушкиным? Злобный и наполитизированный, он, Яковлев, заранее пресмыкается перед "левой" оппозицией народного возмущения, заранее, заранее юлит, дрожко улавливая:

Запевай, как Стенька
Разин Утопил свою княжну.

И:

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?

Сергей Есенин - как великий поэт - рожден революцией. И не только революцией. Все его стихи о природе, о любви, о юности - искры молнии, взлетевшей из мощного водоворота. Трагедии обожгли и очистили соловьев, возвысили мысль, укрепили и облагородили ее. Нежность и гнев, скорбь и мужество - удел поэта. Раздумья утяжелились. Приобрели особую окраску и суть многие грани единого чувства:

Руки милой - пара лебедей -
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

И:

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты. Бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ненависть его - разумна, доброта его - адресна. Жизнь и совесть - древнее революции. Русские поэты дороги поэтам других народов личной встречей, дружбой вдохновений,

взаимностью забот. Сергей Есенин дорог национальной честностью, мудростью, достоинством русского слова и русской стати. Когда я думаю о прошлых временах Родины, я вижу Евпатия Коловрата и Андрея Рублева, Михаила Кутузова и Льва Толстого. Когда я думаю о близких временах, я вижу Георгия Жукова и Сергея Есенина... Есть Есенин - я вижу: он - свет мой!

На космических орбитах, на дорогах, распарывающих барханы, звенит огонь есенинских строк. Этот огонь - символ. И чем дальше мы от поэта, тем явственней он перед нами. Сергей Есенин - пример приближения таланта из народных глубин к той логике пытливости, где Вселенная и Личность единятся:

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Ядерный век - век Есенина, ибо каждое мгновение поэта - крик о траве, о звезде, о человеке. И сам он - звезда, взошедшая над океаном бытия. Звезда большая и неугасимая. Есенин открыто декларировал:

Хочу я быть певцом
И гражданином...

Мы говорим привычно: стихотворение, поэма, автор. А что за этим? Судьбы. Судьбы не только самих сочинителей - судьбы поколений и держав. Поэт, если только он поэт, никогда не потеряется в суете эпохи, никогда и никому не позволит навязать себе чье-то мнение, тенденцию, поскольку поэт - один-единственный, кто в конечном-то счете за себя отвечает. Опыт поэта - муки поэта:

Напылили кругом. Накопытили. И пропали под дьявольский свист, А теперь вот в родной обители Даже слышно, как падает лист.

И ведь кто так говорит? Есенин!.. Есенин, кинувший в толпу:

Я более всего

Весну люблю.
Люблю разлив...

И:

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил - забыли про меня.

Думающий о страшных разломах того времени, о полях, иссеченных подковами конниц, о молодом крестьянине, оторванном от плуга и ввергнутом в "классовые сражения", Есенин, как сострадалец, не может осязать лишь "правоту дела Октября", не может. Он слышит кровь правоты и неправоты, пожар слышит.

За победным шумом красных замен поэт видит межу. А на ней встретились - враг с врагом? Брат с братом? Пожать руку друг другу над бездной века? Или снять голову друг с друга над этой же бездной века? Пропасть...

Мне порой стыдно читать: "Есенин - наш, советский. Есенина нельзя отделить от революции!.." Требуется ли доказывать? Если бы не революция, если бы не ее ураган, Есенин не создал бы такие могучие вещи, как "Русь уходящая", "Песнь о великом походе", "Гуляй-поле", "Поэма о З6", "Пугачев", "Анна Онегина", "Страна негодяев", "Черный человек" и многие опорные произведения.

Есенин не мог отклониться в сторону от событий. Соловьиная душа не способна эмигрировать. Она, душа, все вбирала в себя, весь ветер, жуткий и кровавый.

По уральским горным рекам после войны гнали золотистый сосновый лес русские заключенные. Мы, мальчишки, всюду натыкались на них: в палатках, в избах, на делянках и даже на сенокосах. Мы подсовывали им вареную картошку, махорку, а они нам хлеб. Колхозники в те времена хлеб видели только на корню... И трудно было определить: кто настоящий заключенный - заключенные или свободные колхозники, ведь ни у тех, ни у этих прав никаких не имелось, быт и в тюрьме и на свободе нищий.

Заклученные свободно, почти свободно, передвигались по определенной территории,

колхозники - по своему району. И вот однажды у костров совершенно седой человек, лет сорока, мускулистый, голый по пояс и разутый, начал наизусть читать стихи Сергея Есенина, подшлепывая по утоптанной теплой земле то правой, то левой ступнею. А на каждой ступне наколка: "Ох, она и устала!"

Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет.
Лежанка, бабка, кот.

И дальше, дальше, все больнее и больнее, все шире и шире, пронзительнее и пронзительнее звучали над рекою разрывающие сердце строки великого поэта. Я смотрел на грубые загорели ступни, "скользя" к лицу заключенного, нежному, глубокому, серьезному лицу. А потом, уже пробуя рифму на язык, я увидел самого Есенина: очень интеллигентный, увидел на портрете, сдержанно-вдохновенный, чуть затаивший в себе что-то чудесное, вечное.

Мелькнула мысль: "Он так пишет, как мы живем - горько, ясно и понятно. Вроде маминой молитвы - доступно, а очень интеллигентный, одет модно, в шляпе и кашне!"

И потом, с годами, свет русской природы и свет русской души слились в моем воображении в единый образ - в образ великого национального поэта, в образ Сергея Есенина. Я согласился радостно: да, он обязан был явиться золотоволосым, с грустной синевою очей, чуткий, статный, умный - пророк и врачеватель. Цветок, срезанный разбойным ножом палачей...

Есенин взял родной народ у разрушенного храма и через расстрелы, геноцид, предательство демагогов-вождей ввел его в храм. Мы, русские, лечились есенинской душою, есенинской красотой и нежностью много десятков лет, строя, воюя, сидя у тюремного костра, как тот седой заключенный... Есенин неповторим!

И сегодня, объясняя трагическую гибель поэта, мы чаще и чаще употребляем вокруг него глиняно-лопатные слова: "удушье", "побои", "шрам", "желудок", "мозг" и т. д. и т.п. А поэт - красивый такой! Лоб, вьющиеся золотые волосы, удивительная народная элегантность - достоинство, память и зоркость.

Будем осторожны. Красота неприкосновенна. А тайна трагедии, смерть поэта, не нам одним досталась, она досталась всему русскому народу, полуистребленному жестокостью планетарных негодяев... Мне кажется, полемика и обвинения между есенинцами есть то, чего мы не должны допустить. Поэт не матрешка, не семейная реликвия, и никто не имеет права присваивать имя Есенина своему дому или своей идее, включая и различные версии. Не смущай гения суетою.

И уподобляться гранитному лермонтоведу или бронзовому пушкиноведу - не стоит: классиков не переплюнешь, а себя осмеешь. Сидел же у тюремного костра заключенный, а на всю мою жизнь - Сократ!.. Да, а мы из-за пустяков нервничаем. Пореже надо вставать туда, где должны работать независимые специалисты, спешить не надо кричать о ранах, профессионалы лучше нас о том поведают.

Раздаются голоса: "Могилу вскрыть!.." Иногда, жуя папиросу, иногда, хлебая щи, поддерживают: "Вскрыть!.." Пусть вскрывают. А чью могилу еще не вскрывали? До гроба Петра I добрались. Ивана Грозного потревожили. В могиле Гоголя поковырялись заикающиеся нехристи. Вскроем, а там? И что? Что, спрашиваю, дальше? Более страшная тайна? Пакет с готовым ответом? Или - праха в ней нет?..

Красота неприкосновенна. А истина требует доказательств. Но если у людей сведущих соберутся неодолимые факты, почему же и не вскрыть могилу? А кто примет подобную акцию на личную ответственность? Значит - нет среди нас "правильных" и "неправильных", мы - близкие, свои...

Нельзя хватать куст цветущей черемухи, хватать веющую белыми лепестками яблоню за горло и трясти, трясти до полного осыпания: мол, изучу подробнее процесс угасания красоты, нельзя. Есенин очень красив.

***

Давайте соберемся - не навязывать "истину", а думать, как нам ее, эту трагическую долю поэта, понять и бережно "передать" народу. Не в упреках смысл. Не в охранных притязаниях на Есенина. Смысл - общий костер, около которого и несчастным заключенным было светло, а народу - помощно.

Золотые мои уральские сосны давно уплыли по горным рекам, а золотые рязанские березы каждую осень летят в славянские дали. И небо синее, как русские очи поэта. Куда же деть такое? Ведь это не легче трагедии: летит и летит, это - лебединая Россия наша, песня, вот набегающая русой моросью, вот сияющая зарею, золотым подсолнухом Скифии...

Звени, звени, золотая Русь,
Волнуйся, неумный ветер!

Все еще впереди, даже .Россия наша еще впереди!.. Пусть русофобствующим Коротичу и Евтушенко зарплатно в Америке, а нам, русским, и в Рязани неуютно: на тополе кукушка кукует, а в ослепшей избе старуха каменеет: сыновей ее в тюрьмах, на войнах ухлопали, а ее - извели изнутри, налогами по-высосали - и бросили.

Идти к Есенину - как плакать, к бабушке покинутой идти, к милой преданной России идти, проданной и оклеветанной.

Всех связали, всех вневолили,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного.

Сколько их, пытающихся измять нашу совесть? Ох, мы и устали!.. Мы даже привыкли к их беспощадному натиску. Потому - перевернем их! И не тревожить бы урны и гробы на Красной площади, да ведь покоя они нам не дадут: в центре жизни лежат, в центре России. Преступники. Но - Жуков?.. Но - Курчатов?.. Но - Гагарин?.. Но - Королев?..

Вчера стиснули меня, как железными клещами, зажали смертельно в очереди за водкой. Час держусь, два держусь, три выстаиваю, очередь и на метр не продвинулась: заклепала ее в дверях банда, человек пять-шесть снуют к продавцу и от продавца, выносят бутылки, чуть не связками, и в два-три раза дороже тут же продают, распивая частично.

Наторговались, одурели - наколотили морды приятель приятелю, а очередь, бешеная, их мат и драку заглатывает, тварь. А банда наглей и наглей - распоясалась. Закупорила ход. А в очереди-то люмпены: учителя, инженеры, врачи, рабочие, ученые - не коммерсанты же, привыкли и терпят. От кремлевской банды - терпи. От магазина - терпи. Директора, гладкого хряка, вытребовали: - Мы люди, а с нами обращаются!.. - Вы

люди? - брезгливо поморщился директор... Водочная кабала. Не в храм - очередь. Не в библиотеку - очередь.

А по экрану забегали, забегали, как те, шустрые, по кухонной плите, законцертичили выдающиеся представители искусства, участники "симпозиумов и форумов", зоологические антисемиты:

Первый:
Россия! Сердцу милый кгай!

Второй:
Шестую часть земли
С названьем кгатким "Гусь"!..

Третий:
Спит ковыль. Гавнинадогоя!..

Четвертый:
Чегный человек,
Ты пгесквегный гость!..

Пятый
Ай да Питег-гад!..

Сами себя юдофобством начиняют, макаки цивилизованные, буквой "р" забавляются: на "г" меняют...

Питер-град, стало быть...

Шестой:
Гуси, гуси!..

Седьмой:
Га, га, га!..

Восьмой:
Есть хотите?..

Девятый:
Да, да, да!..

Гостящие тараканы. Черные, черные. Дьяволы студий. У нас - "равнина дорогая", у них "гавнина догоя"... Упражняются на окартавливании классики. Подотдел КВН? И "Русь" у них - "Гусь". Изобрести хохму и ею ужалить евреев - мания дегенератов...

А их ученые? А их комиссары? Переименовывать русские деревни и города уходились, а за русскую речь схватились: вместо "зайцы и огурцы" - "зайцы и огурци", вместо "ё" - "е"... Точки им ставить над "ё" некогда или на чернила дефицит?

Но "зайцив и огурцив" русские не пропустили, отбились, а на "е", без точек, согласились. Ставя мысленно две точки над "е" в первом слове, а во втором слове две точки над "е" снимаем и читаем: вместо "сёл" - "сел", "мёл" - "мел", "перёд" - "перед", вместо "нёбо" - "небо", "объём" - "объем", вместо "берёт" - "берет", "всё же" - "все же", вместо "слёз" - "слез", "поёт" - "поет", вместо "вёдро" - "ведро", "минет" - "минет", вместо "чёрт" - "черт", "берёг" - "берег" и т. д. Хохмачи?..

Да, "приём" - "прием", а "слёг" - "слег", "осёл" - "осел", и поговорка "хлебал, хлебал и хлебом подавился" - "хлебал, хлебал и хлебом подавился", - не подпорчена ли? Русское слово изувечено. А есенинская звукопись публично опошлена. Неужели охохмят:

Милая, ты ли? та ли?
Эти уста не устали,
Эти уста, как в струях,
Жизнь утолят в поцелуях.

Чтобы овладеть "нотными" тайнами слова, надо в нем, в слове, зародиться, напеть и, как свет сквозь деревья, проникнув через напластования тьмы, хлынуть, от края и до края, и ширь заполнить! Не отдавайте косоротым речь русскую...

Мне нравится запах травы, холодом подоженной,
И сентябрьского пистолета протяжный свист.
Знаешь ли ты, что осенью медвежонок
Смотрит на луну,
Как на вьющийся в ветре лист?
По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он, дурашливый, знать
И призванье свое и имя.

.....
Я значенье свое разгадал...

Сергей Есенин часто - в раздумье, часто сверяет прожитый день с давно отзвеневшим днем, словно боится: не перекусила бы чья-то зависть нежный и едва колеблемый жизнью звук, ощущение связи с теми, чьи тени витают над нами, охраняя нас от неопределенности и ожесточения в себе и в народе.

Чья зависть? Чьи тени? "Я значенье свое разгадал" - оклик пращура ныне, а завтра - звездный ум, сторожний и необъятный. И в звере - зверь угомоняется; не щипай, не прижигай ему пятки. Есенин "бузотерил" на чужбине, а в атлантической Америке подавно: "Боже мой, лучше бы есть глазами дым, плакать от него, но только бы не здесь, не здесь. Все равно при этой культуре "железа и электричества" здесь у каждого полтора фунта грязи в носу".

Унижение русских в газетах, с экрана, со сцены, с трибуны не добавило перестройщикам успеха, а русские "заштопорили" мельтешащих теленасекомых. В редакциях они копошатся, в Останкинской башне спуют, а в русскую светелку наведаться - горбы Им помеха...

Не чернец беседует с Господом в затворе -
Царь московский антихриста вызывает:
"Ой, Виельзевуле, горе мое, горе,
Новгород мне вольный ног не лобызает!"

Вылез из запечья сатана гадюкой,
В пучеглазых бельмах исчаведье ада.
"Побожися душу выдать порукой,
Иначе не будет с Новгородом слада!"

Не будет с нами, русскими, у антихристов слада. Душа русская - одна. И Россия - одна. И русский - один. Другого - нет. Сергей Есенин не поучает нас и не укоряет, надеется - мы сами очнемся. Белая метель шумит. Белая вьюга плачет. А белая яблоня стонет...